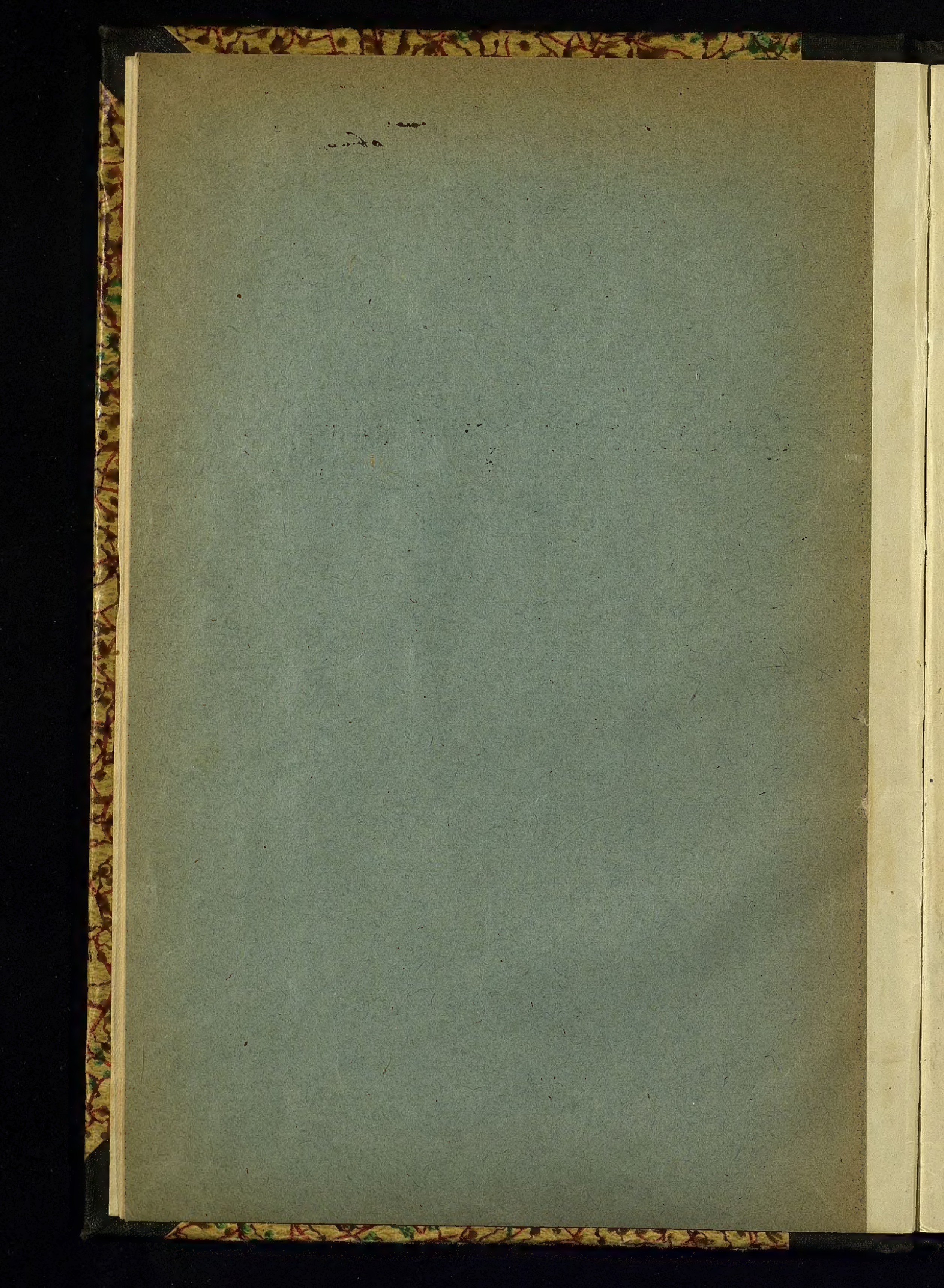
Б. А. Кистяковскій.

Сущность государственной власти.

Отдѣльный оттискъ изъ № 3, 1913 г. «Юридическихъ Записокъ», издаваемыхъ Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
1913.

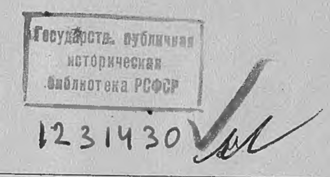
Матвѣю Дмитріевичу Загряцкову
въ знакъ искренняго уваженія
автора.

Б. А. Кистяковскій.

Сущность государственной власти.

Отдѣльный оттискъ изъ № 3, 1913 г. «Юридическихъ Записокъ»,
издаваемыхъ Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
1913.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *В. Щегловъ*.

Типографія Губернскаго Правленія.

Сущность государственной власти [1]).

Власть является основнымъ признакомъ государства. Только государство обладаетъ всей полнотой власти и располагаетъ всѣми ея формами. Всѣ остальныя социальныя организацiи обладаютъ лишь частичною властью или какою-нибудь одной изъ ея формъ. Притомъ власть всѣхъ остальныхъ социальныхъ организацiй нуждается для своего осуществленiя въ санкцiи со стороны государственной власти. Такъ власть родителей надъ дѣтьми возникаетъ въ силу физiологическихъ причинъ раньше государственной власти и существуетъ какъ бы независимо отъ нея. Но въ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ она, съ одной стороны, ограничивается государственной властью, а съ другой—охраняется ею. Ограниченiя родительской власти со стороны государства заключаются въ томъ, что государство требуетъ, чтобы родительская власть была направлена на разумныя цѣли: на физическое, умственное и нравственное воспитанiе дѣтей, на ихъ ростъ и развитiе, а не на истязанiе, извращенiе и калѣченiе дѣтей. Государство ограничиваетъ родительскую власть также извѣстными возрастными предѣлами; по достиженiи дѣтьми совершеннолѣтiя родительская власть прекращается. Съ другой стороны, государство охраняетъ родительскую власть, не допуская посторонняго вмѣшательства въ ея разумныя проявленiя. Возникающая въ другихъ видахъ социальныхъ организацiй власть еще больше находится въ зависимости отъ государ-

---

[1]) Эта статья составляетъ главу изъ курса лекцiй по Государственному праву, которыя авторъ читалъ въ Московскомъ Коммерческомъ Институтѣ съ 1906 по 1910 г.

ственной власти. Не подлежитъ, напримѣръ, сомнѣнію, что у хозяина или завѣдующаго какимъ-нибудь промышленнымъ заведеніемъ — мастерской, фабрикой, заводомъ или торговымъ предпріятіемъ есть нѣкоторая власть надъ служащими въ этихъ заведеніяхъ. Но эта власть основана исключительно на договорахъ, а выполненіе договоровъ гарантируется государственной властью; въ частности, въ случаѣ возникновенія спора изъ-за отказа подчиняться требованіямъ работодателя, судъ долженъ рѣшить, былъ ли заключенъ договоръ, дѣйствителенъ ли онъ, и входитъ ли въ число обязательствъ, установленныхъ договоромъ, выполненіе тѣхъ или другихъ распоряженій хозяина или завѣдующаго заведеніемъ. Государство создаетъ также извѣстныя ограничительныя условія для заключаемыхъ договоровъ; такъ всѣ договоры должны заключаться на извѣстный срокъ и не могутъ устанавливать безсрочныхъ обязательствъ; затѣмъ обусловленныя договорами дѣйствія не должны противорѣчить нравственности, гигіенѣ и соціальнымъ интересамъ; особенно значительны ограниченія договоровъ, создаваемыя новѣйшимъ соціальнымъ законодательствомъ въ интересахъ всего общества. Все это показываетъ, что границы и формы власти работодателя надъ рабочими всецѣло зависятъ отъ государства, если не считать нравственнаго авторитета работодателя, который очень часто даже совсѣмъ отсутствуетъ, и если отвлечься отъ общей экономической зависимости человѣка, живущаго исключительно своимъ трудомъ, такъ какъ эта зависимость непосредственно не является зависимостью одного лица отъ другого. То же самое надо сказать и относительно всякихъ частныхъ товариществъ, организацій и союзовъ. Подчиненіе отдѣльныхъ членовъ рѣшеніямъ ихъ большинства всецѣло зависитъ отъ впередъ выраженнаго добровольнаго согласія на это, напримѣръ, путемъ принятія устава. Если какая-нибудь частная организація налагаетъ на своихъ членовъ нѣкоторыя наказанія, напр., денежные штрафы, то они имѣютъ значеніе лишь въ виду заранѣе принятаго на себя со стороны членовъ обязательства ихъ нести и уплачи-

вать. Но въ случаѣ отказа членовъ организаціи подчиняться ея постановленіямъ у нея нѣтъ прямыхъ средствъ вынудить это подчиненіе. Промышленныя товарищества, основанныя на формальныхъ договорахъ, могутъ обратиться къ суду, т. е. опереться на силу государственной власти; однако и государство оказываетъ имъ поддержку только въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно вообще охраняетъ договоры; во всякомъ случаѣ оно предоставляетъ каждому члену любого товарищества право во всякое время изъ него выйти и навсегда порвать съ нимъ связь при соблюденіи извѣстныхъ условій. Общества, организаціи и союзы, преслѣдующіе идеальныя цѣли, принятіе устава которыхъ не влечетъ для ихъ членовъ формально-юридическихъ послѣдствій и не создаетъ обязательствъ, подобныхъ основаннымъ на договорѣ, не могутъ даже обращаться къ судамъ для того, чтобы заставлять своихъ членовъ выполнять свои постановленія. Поэтому единственная репрессія, которая находится въ распоряженіи частноправовыхъ организацій этого типа, не могущихъ воспользоваться государственной властью, заключается въ томъ, что они могутъ подвергать своихъ членовъ исключенію. Конечно, исключеніе изъ среды, напр., исключеніе изъ товарищеской среды, бываетъ иногда очень чувствительно для лица, подвергшагося такой карѣ. Въ качествѣ угрозы исключеніе можетъ оказывать настолько сильное воздѣйствіе, что оно создаетъ для организаціи извѣстный престижъ или авторитетъ власти. Но это лишь одна изъ формъ власти, именно власть психическаго воздѣйствія или нравственнаго авторитета. Власть государства гораздо болѣе полна и многостороння.

Однако есть извѣстныя публично-правовыя организаціи, которыя не являются государствами и въ то же время обладаютъ нѣкоторою сходною съ ними властью. Извѣстная доля власти присвоена такъ называемымъ автономнымъ организаціямъ, наприм., самоуправляющимся городскимъ и земскимъ обществамъ, церквамъ и другимъ религіознымъ общинамъ, поскольку онѣ организованы въ публично-правовыя корпораціи; при-

суща она также и автономнымъ университетамъ. Отличительная черта этихъ организацій заключается въ томъ, что къ нимъ обязательно принадлежатъ всѣ лица извѣстной категоріи; такъ, наприм., земства и городскія общества включаютъ въ себя всѣхъ лицъ, живущихъ на ихъ территоріи; въ извѣстную религіозную общину, организованную въ публично-правовую корпорацію, входятъ обязательно всѣ ея единовѣрцы. Эти организаціи имѣютъ право принудительно облагать всѣхъ своихъ членовъ установленными ими налогами. Они могутъ также, не прибѣгая къ содѣйствію судовъ, чисто экзекуціоннымъ путемъ заставлять принадлежащимъ къ нимъ лицъ выполнять свои постановленія. Такія постановленія часто имѣютъ даже характеръ законовъ, и только въ видахъ терминологическаго удобства они называются не законами, а обязательными постановленіями. Все это—черты, по преимуществу свойственныя государственной власти. Однако всѣ эти публично-правовыя организаціи примѣняютъ не свою власть, а власть государства, онѣ обладаютъ властью лишь постольку, поскольку государство надѣляетъ ихъ ею; помимо государства онѣ никакой властью не располагаютъ. Государство отличается отъ этихъ публично-правовыхъ союзовъ тѣмъ, что оно ни отъ кого не заимствуетъ своей власти; оно обладаетъ своей собственной властью, которая не только возникаетъ въ немъ самомъ, но и поддерживается и ограничивается его собственными средствами.

Итакъ, государство есть правовая организація народа, обладающая во всей полнотѣ своею собственною, самостоятельною и ни отъ кого не заимствованною властью. Значеніе власти для государства громадно. Вотъ почему извѣстный нѣмецкій юристъ, основатель юридической школы государственнаго права, Герберъ, могъ утверждать, что «государственное право есть ученіе о государственной власти» [1]). Признакъ властвованія или элементъ власти свойственъ не только какой-ни-

[1]) *C. F. v. Gerber.* Grundzüge eines Systems des Deutschen Staatsrechts, 2 Aufl. Leipzig 1869, S. 3.

будь опредѣленной формѣ государственнаго устройства, не какому-нибудь одному типу государства; онъ присущъ всѣмъ типамъ государства. Относительно того, что признакъ властвованія присущъ абсолютно-монархическому и деспотическому государству, не можетъ возникать никакого сомнѣнія. Абсолютно-монархическое государство страдаетъ не отъ отсутствія элемента властвованія, а отъ излишка его. Въ немъ все сводится къ властвованію, повиновенію и требованію безпрекословнаго подчиненія. Сплошь и рядомъ въ немъ преслѣдуются только интересы власти и совершенно игнорируются интересы подданныхъ и страны. Получается уродливая гипертрофія властвованія. Самую власть въ абсолютно-монархическомъ государствѣ часто смѣшиваютъ съ органомъ власти; такимъ образомъ, понятіе власти замѣняется въ абсолютной монархіи понятіемъ «начальство». На этой почвѣ уродливой гипертрофіи власти и создаются тѣ особенности, которыя придаютъ обыкновенно абсолютной монархіи характеръ полицейскаго государства. Въ противоположность абсолютно-монархическому государству въ конституціонномъ государствѣ власть пріобрѣтаетъ правовой характеръ. Характеризуя правовое государство въ самыхъ общихъ чертахъ, надо признать, что основной признакъ этого государства заключается въ томъ, что въ немъ власти положены извѣстныя границы, что она ограничена и подзаконна. Кромѣ того, въ правовомъ государствѣ какъ нѣкоторые органы власти, такъ и самъ правовой порядокъ организуется при помощи самого народа. Такимъ образомъ, правовому государству тоже необходимо присуща государственная власть, но эта власть введена въ извѣстныя рамки, она осуществляется въ опредѣленныхъ формахъ и носитъ строго правовой характеръ.

Но нужна ли власть въ соціалистическомъ государствѣ? Можетъ быть соціалистическое государство могло бы обойтись безъ власти? Конечно, соціалистическое государство нигдѣ еще не существовало и не существуетъ, и какимъ оно будетъ фактически мы не знаемъ, но теоретически мы можемъ ставить отдѣльные вопросы относительно него. Вдумавшись въ поставлен-

ный нами здѣсь вопросъ, мы должны будемъ отвѣтить, что соціалистическое государство не осуществимо безъ власти. Прежде всего, для переходнаго періода отъ правового государства къ соціалистическому, соціалисты обыкновенно требуютъ диктатуры народа или пролетаріата; въ этомъ требованіи соціалисты болѣе или менѣе единодушны. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, насколько цѣлесообразно это требованіе, и насколько его можно оправдать съ точки зрѣнія непрерывнаго развитія и послѣдовательнаго осуществленія правового порядка, для насъ важно то, что диктатура является не только властью, но властью съ усиленными полномочіями,—потенціированной, приближающейся къ абсолютной власти. Можетъ быть однако соціалистамъ нужна власть для временнаго и переходнаго состоянія; вѣдь диктатуру пролетаріата они требуютъ только въ случаѣ надобности и только какъ временную мѣру. Но и въ будущемъ, когда предполагается окончательное упроченіе соціалистическаго строя, его сторонники вовсе не отказываются отъ государственной организаціи и власти, какъ таковой; они и не могли бы отказаться отъ нея. Соціалистическій строй предполагаетъ колоссальное развитіе промышленности, организація и завѣдываніе которой должны находиться въ рукахъ не отдѣльныхъ частныхъ лицъ, какъ теперь, а въ рукахъ всего общества. Для того, чтобы организовать и завѣдывать такимъ колоссальнымъ механизмомъ потребуется выработка новыхъ правилъ, новыхъ правовыхъ нормъ и, слѣдовательно, установленіе извѣстной власти, которая гарантировала бы исполненіе этихъ нормъ. Такимъ образомъ, государственная власть въ соціалистическомъ обществѣ не только будетъ существовать, но ея компетенціи будутъ распространены на новыя сферы, на которыя теперь компетенціи государственной власти не распространяются. Въ соціалистическомъ обществѣ компетенціи власти будутъ распространены также на всю промышленную и хозяйственную дѣятельность страны. Всѣ тѣ виды индивидуальной и общественной экономической дѣятельности, которые въ современномъ правовомъ государствѣ составляютъ область частно-право-

выхъ отношеній, въ соціалистическомъ обществѣ превратятся въ область публично-правовыхъ отношеній, регулируемыхъ государствомъ и государственной властью. На этомъ расширеніи компетенціи государственной власти въ соціалистическомъ обществѣ настаиваетъ и Антонъ Менгеръ въ своемъ «Новомъ ученіи о государствѣ». Правда, одинъ изъ видныхъ теоретиковъ соціализма—Энгельсъ въ одной изъ своихъ работъ высказываетъ мысль, что въ соціалистическомъ государствѣ господство надъ людьми замѣнится господствомъ надъ вещами. Но если принять во вниманіе, что эти вещи, на которыя въ соціалистическомъ государствѣ распространится власть государства, суть фабрики, заводы, средства сообщенія, требующіе громаднаго количества людей, работающихъ въ нихъ и исполняющихъ извѣстныя функціи, то надо признать, что въ этомъ государствѣ будутъ необходимы не только техническія правила для господства надъ вещами, но и такія нормы, которыя обязывали бы и людей. Поэтому мнѣніе Энгельса, что здѣсь власть будетъ больше распространяться на неодушевленные предметы, чѣмъ на людей, нельзя понимать вполнѣ буквально. Конечно, въ соціалистическомъ государствѣ власть приметъ другой характеръ и ея формы будутъ ослаблены и прежде всего будутъ ослаблены формы репрессіи и принужденія. Но уже и въ современномъ правовомъ государствѣ происходитъ эволюція власти въ направленіи ослабленія формъ репрессіи и принужденія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ хотя бы такіе институты уголовнаго права, создаваемые и въ современномъ государствѣ, какъ условное досрочное освобожденіе и условное осужденіе. Задача условнаго осужденія заключается главнымъ образомъ въ психическомъ и нравственномъ воздѣйствіи на осужденнаго. Напротивъ, физическое воздѣйствіе въ условномъ осужденіи временно отсутствуетъ. Конечно, для того, чтобы условное осужденіе производило свое дѣйствіе, необходимы извѣстный культурный уровень и извѣстная чувствительность къ порицанію, выраженному въ осужденіи. При дальнѣйшемъ ростѣ культуры эта чувствительность несомнѣнно будетъ возрастать. Если

теперь возможна только очень скромная форма примѣненія условнаго осужденія, то при болѣе высокой культурѣ этотъ видъ общественнаго порицанія можетъ получить гораздо большее распространеніе. Такимъ образомъ, въ соціалистическомъ государствѣ репрессія будетъ несомнѣнно еще болѣе ослаблена, чѣмъ въ государствѣ конституціонномъ и правовомъ. Но здѣсь будетъ только относительное различіе между правовымъ и соціалистическимъ государствами: какъ бы то ни было, власть, какъ таковая, и необходимое дополненіе ея, извѣстныя репрессіи, ни въ коемъ случаѣ не исчезнутъ совсѣмъ въ соціалистическомъ государствѣ.

Въ этомъ отношеніи прямую противоположность соціалистическому государству, какъ и вообще всякому государству, составляетъ анархія. Мы здѣсь имѣемъ въ виду теорію анархизма, а не состояніе анархіи или анархію въ обыденномъ житейскомъ смыслѣ. Анархическое состояніе общества предполагаетъ существованіе государственнаго и правового порядка, который утратилъ свою силу и фактически упраздненъ; поэтому состояніе это и характеризуется, съ одной стороны, грабежами, убійствами и всякими безпорядками, а съ другой— исключительнымъ и военнымъ положеніемъ, военно-полевыми судами и другими чрезвычайными правительственными мѣрами. Напротивъ, теорія анархизма есть ученіе объ извѣстномъ принципіально безгосударственномъ устройствѣ общественной жизни. Сторонники анархическаго строя проповѣдуютъ полное уничтоженіе, какъ государства, такъ и власти. Они утверждаютъ, что организація власти совершенно не нужна для общества, что безъ власти отдѣльные общины и союзы ихъ не только могутъ существовать, но будутъ даже больше процвѣтать, чѣмъ при государственномъ строѣ. Однако чрезвычайно трудно себѣ представить, какъ при невѣроятной сложности современныхъ экономическихъ отношеній, при сосредоточенности громадныхъ массъ людей въ одномъ мѣстѣ, напр., въ большихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ, можетъ существовать общество безъ общихъ правилъ или нормъ, которыя должны быть обязательны для всѣхъ и кото-

рымъ всѣ должны подчиняться. А гдѣ есть нормы и обязанность подчиненія имъ, тамъ должна существовать и власть, гарантирующая исполненіе ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ должны существовать извѣстныя репрессивныя мѣры, посредствомъ которыхъ выполненіе этихъ нормъ дѣйствительно бы осуществлялось. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ даже, что въ анархическомъ строѣ при коммунистическихъ имущественныхъ отношеніяхъ совершенно исчезнутъ преступленія противъ собственности и, такимъ образомъ, та масса репрессій, которая примѣняется въ современномъ государствѣ противъ нарушителей правъ собственности, сама собою отпадетъ; но и въ анархическомъ строѣ преступленія противъ личности, несомнѣнно, останутся. Вѣдь во всякомъ обществѣ всегда будетъ существовать извѣстное количество индивидуумовъ, лишенныхъ всякихъ сдерживающихъ центровъ. И въ анархическомъ обществѣ всегда найдутся насильники надъ женщинами, найдутся люди, которые будутъ убивать изъ ревности соперниковъ, или же въ запальчивости и раздраженіи калѣчить и лишать жизни другихъ людей, и которые вообще не будутъ уважать чужой личности. Что же дѣлать въ анархическомъ обществѣ съ этими индивидуумами? Просто предоставить имъ бродить по свѣту и совершать убійства и насилія надъ людьми—нельзя. Конечно, и въ современномъ обществѣ часто оправдываютъ убійцъ случайныхъ и непреднамѣренныхъ, но все-таки ихъ судятъ, и самъ этотъ судъ уже есть извѣстное наказаніе, хотя бы онъ заканчивался иногда оправдательнымъ приговоромъ. Притомъ въ случаяхъ отягчающихъ вину обстоятельствъ даже непреднамѣренные убійцы въ современномъ обществѣ караются довольно строго и получаютъ свое возмездіе. Нужно предположить, что и въ анархическомъ обществѣ придется какъ-нибудь расправляться съ убійцами. Для этого нужна будетъ организованная власть, а слѣдовательно нужно будетъ и государство. Чрезвычайно легко разсуждать о томъ, что въ анархическомъ обществѣ всѣ отношенія между людьми должны быть построены на товарищескихъ началахъ, что съ уничтоженіемъ государства всѣ бу-

дутъ относиться другъ къ другу по-товарищески. Но вполнѣ пересоздать общество, построивъ его на анархическихъ началахъ безъ государства и безъ власти, совершенно невозможно, такъ какъ громадныя массы людей не могутъ заключать между собою только товарищескія отношенія. Анархическое общество это идеалъ Царствія Божія на землѣ, который осуществится только тогда, когда всѣ люди станутъ святыми.

Эта противорѣчивость анархическихъ построеній отражается и на теоріяхъ анархизма. Что касается теоретическаго обоснованія анархизма, то прежде всего надо отмѣтить, что анархизмъ не представляетъ изъ себя единаго и цѣльнаго ученія. Систематичность противорѣчитъ самой сущности анархизма. Онъ по преимуществу является ученіемъ индивидуумовъ, личностей и отдѣльныхъ группъ. Единственное, что обще для всѣхъ анархистовъ, это безусловное отрицаніе государства и власти. Но это отрицаніе вовсе не одинаково. Классифицировать анархическія ученія можно съ различныхъ точекъ зрѣнія: такъ ходячая классификація анархическихъ ученій проводитъ различіе между ними, смотря по тому, какой соціальный строй они отстаиваютъ, т. е. смотря по ихъ отношенію къ соціализму. Съ этой точки зрѣнія ихъ классифицируютъ на анархистовъ-индивидуалистовъ и анархистовъ-коммунистовъ. Но насъ здѣсь интересуетъ не отношеніе анархистовъ къ соціальному и экономическому строю, а отношеніе ихъ къ государству и власти. Съ этой точки зрѣнія анархистовъ можно разбить на двѣ группы, на анархистовъ-аморфистовъ, отстаивающихъ аморфное состояніе общества,—и анархистовъ-федералистовъ, или вѣрнѣе конфедералистовъ, отстаивающихъ конфедеративныя формы общества. Что касается аморфныхъ анархистовъ, то это или религіозные анархисты, какъ, напримѣръ гуситъ П. Хельчицкій, а въ наше время Левъ Толстой, или философы-индивидуалисты, стоящіе на крайней индивидуалистической точкѣ зрѣнія, какъ напримѣръ Максъ Штирнеръ. Анархисты-аморфисты никогда не разрѣшаютъ конкретнаго вопроса, какъ же будетъ высматривать то общество, которое будетъ абсолютно

лишено всякой внѣшней организаціи. Это люди, которые настолько мысленно погружены въ извѣстныя духовныя свойства человѣка и заняты индивидуальными чертами человѣка, что имъ некогда подумать объ обществѣ. Таковы, напр., Хельчицкій и Толстой; имъ важна проповѣдь самосовершенствованія, и они думаютъ, что если люди усвоятъ ихъ проповѣдь и каждый отдѣльный человѣкъ будетъ стремиться достичь высшаго духовнаго развитія, то тогда самъ собою водворится миръ на землѣ. То же можно сказать и о такомъ анархистѣ, какъ Максъ Штирнеръ, который рѣшилъ, что все можно построить на эгоизмѣ, на безусловномъ утвержденіи своего «я», своей личности, что это лучшая основа для этической и соціальной системы, при которой только и возможно раціональное построеніе человѣческой жизни. Но какъ будетъ жить человѣчество при отсутствіи какой бы то ни было организаціи,—этимъ вопросомъ Максъ Штирнеръ совсѣмъ не занимается. Противоположность анархистамъ этого типа, составляютъ анархисты-конфедералисты, или федералисты. Къ этому типу анархистовъ надо отнести Прудона, Бакунина и Крапоткина. Если мы всмотримся въ ихъ ученія и выдѣлимъ наиболѣе характерныя ихъ черты, то мы убѣдимся, что эти мыслители относятся чрезвычайно отрицательно главнымъ образомъ къ современнымъ формамъ общественнаго и государственнаго быта. Правда они проповѣдуютъ революцію вообще и стремятся къ ниспроверженію не только существующихъ формъ государства и общества, но и всякихъ формъ государственнаго существованія. Но это до тѣхъ поръ, пока они занимаются отрицаніемъ, когда же они приходятъ къ положительному построенію своихъ идей, то они въ концѣ-концовъ отстаиваютъ своеобразную организацію общинъ, связанныхъ федеративнымъ строемъ. Эту организацію они основываютъ на договорныхъ началахъ, а въ такомъ случаѣ въ анархическомъ обществѣ должна быть признана святость договоровъ. Такіе договоры замѣнятъ законы подобно тому, какъ по мнѣнію извѣстнаго юриста А. Меркеля, въ современномъ международномъ общеніи договоры также

имѣютъ значенiе законовъ. Слѣдовательно, подобная анархическая организацiя подъ видомъ договоровъ будетъ устанавливать нѣчто въ родѣ современныхъ правовыхъ нормъ и, вѣроятно, будетъ обладать тѣмъ, что мы теперь имѣемъ въ формѣ организованной власти. Если и въ смягченномъ видѣ, идея власти несомнѣнно будетъ присуща такой организацiи. Все это заставляетъ насъ придти къ заключенiю, что теоретическiя построенiя анархистовъ часто не совпадаютъ съ ихъ намѣренiями. Они стремятся отрицать государство и власть во что бы то ни стало, а при рѣшенiи конкретнаго и положительнаго вопроса,—какъ же организовать общество,—они или не даютъ никакого отвѣта, или же изъ ихъ отвѣта нужно заключить, что они въ концѣ-концовъ признаютъ извѣстныя формы общественнаго регулированiя совмѣстной жизни, похожiя на правовыя нормы и государственное властвованiе. Но въ такомъ случаѣ мы и здѣсь находимъ подтвержденiе громаднаго значенiя проблемы власти. Ни одно общество не можетъ существовать безъ власти и прежде всего въ ней нуждается государство.

Не смотря на эту исключительную важность проблемы власти для полнаго пониманiя государственныхъ явленiй, въ литературѣ государственнаго права мы наталкиваемся на чрезвычайную бѣдность разработки ея. Особенно неудовлетворительно поставлено рѣшенiе вопроса о государственной власти во французской литературѣ. Во Францiи, благодаря Бодену, еще въ XVI столѣтiи былъ вполнѣ опредѣленно поставленъ вопросъ о суверенитетѣ или верховной власти монарха. Тогда это былъ боевой вопросъ, такъ какъ королевская власть вела борьбу, съ одной стороны, съ притязанiемъ папы, а съ другой—съ своеволiемъ феодаловъ, продолжавшихъ настаивать лишь на своей формальной зависимости отъ сюзерена и не желавшихъ покориться власти короля. Въ XVII столѣтiи этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ концѣ-концовъ теоретически и практически въ пользу суверенитета монарха, что и нашло себѣ выраженiе въ водворенiи политическаго абсолютизма во Францiи. Такимъ образомъ въ XVIII столѣтiи абсолют-

ный монархъ остался во Франціи единственой силой, господствуюшей въ государствѣ. Никто не оспаривалъ правъ монарха въ французскомъ королевствѣ на полное обладаніе высшей властью; но именно тутъ и была противопоставлена власти монарха или короля власть народа. Французскіе мыслители, работавшіе надъ той же проблемой, пришли отъ идеи суверенитета короля къ идеѣ суверенитета народа. Извѣстно, что Руссо безусловно отвергалъ суверенитетъ одного лица и доказывалъ, что суверенитетъ или верховная власть по самому своему существу должна принадлежать націи. Онъ утверждалъ, что суверенитетъ можетъ заключаться только въ общей волѣ народа. Всѣ эти теоріи однако же не рѣшали вопросъ о существѣ власти, а только отвѣчали на вопросы, какова должна быть власть и кому она должна принадлежать. Тогда же въ XVIII столѣтіи Монтескье заимствовалъ изъ Англіи идею раздѣленія властей, на основаніи которой въ каждомъ нормально организованномъ государствѣ должно существовать три власти. Но здѣсь опять вниманіе было обращено на наиболѣе цѣлесообразную организацію власти. Затѣмъ вся работа мысли, какъ французскихъ теоретиковъ, такъ и практическихъ дѣятелей особенно въ эпоху великой революціи была направлена на примиреніе и согласованіе этихъ двухъ идей. Эти двѣ идеи—идея національнаго суверенитета и идея существованія трехъ обособленныхъ властей и до сихъ поръ господствуетъ надъ большинствомъ государственно-правовыхъ теорій во Франціи. Такъ, напр. Эсменъ въ своихъ «Общихъ основаніяхъ конституціоннаго права» оперируетъ исключительно съ этими двумя идеями. Какъ ни странно, во Франціи совершенно не выработано общее понятіе о государственной власти. Въ другомъ мѣстѣ мы надѣемся показать, какъ невѣрно эти двѣ идеи опредѣляютъ характеръ современной государственной власти и насколько онѣ противорѣчивы [1]) Здѣсь укажемъ на то,

---

[1]) Противорѣчія, заключающіяся въ идеѣ народнаго суверенитета. превосходно выяснены въ книгѣ *П. И. Новгородцева*, Кризисъ современнаго правосознанія. Москва, 1909, гл. I.

что обѣ эти идеи, и идея народнаго суверенитета, и идея раздѣленія властей, не затрагиваютъ самой сущности власти, самой проблемы, что такое власть. Франція такъ далека отъ рѣшенія и постановки этой проблемы, что не выработала даже въ своемъ языкѣ термина «государственная власть» или «Staatsgewalt», какъ говорятъ нѣмцы. Выраженіе «puissance politique», которое особенно часто употребляютъ теперь для замѣны термина «государственная власть», значитъ нѣчто другое и не вполнѣ ему соотвѣтствуетъ. Послѣдствія этой невыработанности понятій особенно рѣзко сказываются у новѣйшихъ теоретиковъ государственнаго права во Франціи. Такъ Дюги, основательно изучившій нѣмецкую литературу государственнаго права, относится критически къ французскимъ теоріямъ раздѣленія власти и народнаго суверенитета. Онъ признаетъ лишь относительное историческое значеніе ихъ, но отрицаетъ ихъ правильность и требуетъ болѣе общаго и всеобъемлющаго опредѣленія государственной власти. Однако тѣ опредѣленія, которыя онъ даетъ, сами крайне неудовлетворительны. Такъ государство онъ опредѣляетъ, какъ «всякое общество, въ которомъ существуетъ политическая дифференціація между правящими и управляемыми, однимъ словомъ, политическая власть». По его мнѣнію «политическая власть есть фактъ, чуждый какой бы то ни было законности или незаконности». «Правящими всегда были, есть и будутъ наиболѣе сильные фактически» [1]). Такимъ образомъ, Дюги сводитъ всякую власть къ личному господству правителей надъ управляемыми. Онъ не видитъ въ организаціи власти идейнаго фактора, создаваемаго правовыми нормами, и считаетъ, что даже въ современномъ государствѣ власть принадлежитъ тому, у кого сила, и кто умѣетъ пользоваться ею. Тѣмъ не менѣе съ свойственной ему непослѣдовательностью онъ требуетъ, чтобы власть, основанная на силѣ, осуществляла право. Такъ онъ говоритъ: «государство основано на силѣ, но эта сила за-

---

[1]) *Л. Дюги*, Конституціонное право: Общая теорія государства. Москва, 1908, стр. 25 и 48—49.

конна только тогда, когда она примѣняется согласно праву». «Политическая власть есть сила, отданная на служеніе праву» [1]).

Эта теорія совершенно не отражаетъ дѣйствительную организацію власти въ современномъ правовомъ государствѣ Наиболѣе характерныя черты современной государственной власти заставляютъ прямо противопоставлять ее личному господству. Теоретики государственнаго права различнымъ образомъ опредѣляютъ это свойство ея. Такъ Еллинекъ считаетъ нужнымъ энергично настаивать на томъ, что въ современномъ государствѣ власть принадлежитъ не правителямъ и не правительству, а самому государству. Нашъ русскій ученый проф. А. С. Алексѣевъ очень удачно формулировалъ и обосновалъ положеніе, на основаніи котораго современное государство есть организація не личнаго, а общественнаго господства [2]). Далѣе современное конституціонное государство является по преимуществу государствомъ правовымъ; вѣдь власть въ немъ и организуется и осуществляетъ свои полномочія въ силу правовыхъ нормъ. Если же разсматривать государство, какъ организацію, основанную на господствѣ права, то наиболѣе типичнымъ признакомъ власти надо признать ея безличность. Въ современномъ правовомъ государствѣ господствуютъ не лица, а общія правила или правовыя нормы. Лица, обладающія властью, подчинены этимъ нормамъ одинаково съ лицами, не имѣющими власти; они являются исполнителями предписаній, заключающихся въ этихъ нормахъ или правилахъ. Власть является для нихъ не столько ихъ субъективнымъ правомъ, сколько ихъ правовой обязанностью, и эту обязанность они должны нести, какъ извѣстное общественное служеніе. Исключительныя полномочія имъ предоставляются не въ ихъ личныхъ интересахъ, а въ интересахъ всего народа и государства.

Эта безличность и абстрактность власти и есть самая характерная черта современнаго правового или

---

[1]) Тамъ-же, стр. 56 и сл., 672 и сл.

[2]) Проф. *А. С. Алексѣевъ*. Къ ученію о юридической природѣ государства и государственной власти. Москва, 1894, стр. 32 и сл.

конституціоннаго государства. Въ литературѣ на это свойство государственной власти указалъ Краббе въ своей книгѣ «Ученіе о суверенитетѣ права» [1]). Безличность современной власти отражается даже въ оффиціальной терминологіи, принятой въ нѣкоторыхъ государствахъ для высшихъ законодательныхъ и правительственныхъ актовъ. Такъ во Франціи со времени революціи установлены двѣ формулы для повелѣній, исходящихъ отъ государственной власти; они издаются или «во имя закона», или «во имя народа». Въ Германской имперіи 11 и 17 статьи конституціи устанавливаютъ, что императоръ ведетъ международныя сношенія, вступаетъ въ союзы и другіе договоры, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, а также издаетъ всѣ распоряженія и приказы не отъ своего имени, а «отъ имени государства (имперіи)» или «во имя государства (имперіи)», «im Namen des Reiches».

Но если французскія теоріи власти неудовлетворительны, то нельзя также признать, что нѣмецкіе государствовѣды вполнѣ правильно рѣшаютъ этотъ вопросъ. Въ нѣмецкой наукѣ государственнаго права съ шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія завоевало себѣ преобладающее положеніе чисто юридическое направленіе. Представители его обращаютъ вниманіе исключительно на формальную юридическую сторону власти. Однако если современная власть есть по преимуществу государственное явленіе, и потому она имѣетъ строго правовой характеръ, то не подлежитъ сомнѣнію, что первоначально власть создается и выростаетъ, благодаря экономическимъ, соціальнымъ и историко-политическимъ причинамъ. Происхожденіе современной государственной власти часто бросаетъ тѣнь и на ея существо. Поэтому, съ другой стороны, нѣкоторые нѣмецкіе теоретики государственнаго права въ противоположность юридическому направленію не признаютъ власть правовымъ явленіемъ. Наиболѣе опредѣленно на этой точкѣ зрѣнія стоитъ Аффольтеръ. Онъ утверж-

[1]) *H. Krabbe.* Die Lehre der Rechtssouveränität. Beitrag zur Staatslehre. Groningen, 1906.

даетъ, что «власть или господство не есть правовое или юридическое понятіе, но просто естественное явленіе, какъ слѣдствіе организаціи» [1]). Поэтому по его мнѣнію, «разсмотрѣніе понятія власти господства въ государственномъ правѣ составляетъ ошибку, вызывающую много невыгодныхъ послѣдствій» [2]). Подобныя идеи проскальзываютъ и у тѣхъ государственниковъ, которыхъ причисляютъ къ реалистической школѣ и которые настаиваютъ на томъ, что государство основано на фактѣ властвованія. Такъ М. Зейдель считаетъ, что «власть есть только фактъ господства надъ государствомъ, — фактъ, изъ котораго лишь возникаетъ право» [3]). У насъ къ этому направленію можно причислить проф. В. В. Ивановскаго. Съ его точки зрѣнія «власть господствуетъ не по собственному праву; но по собственной силѣ. Никто самъ для себя право создать не можетъ. Право всегда устанавливается кѣмъ либо для другихъ». «Для самой государственной власти право юридически не обязательно, здѣсь можно говорить только объ обязанности нравственной» [4]).

Однако большинство современныхъ нѣмецкихъ государственниковъ признаетъ власть правовымъ явленіемъ и стремится дать ей опредѣленіе съ формально-юридической точки зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія вопросъ рѣшается очень просто. По своимъ формальнымъ признакамъ власть есть способность приказывать и заставлять выполнять свои приказанія. По выраженію Еллинека, «властвовать значитъ отдавать безусловныя приказанія» [5]). Всякое приказаніе есть выраженіе воли, и современные государствовѣды видятъ у государства волю, которая проявляется въ приказаніяхъ, заключающихся въ законодательныхъ

---

[1]) *А. Аффольтеръ.* Основныя черты общаго государственнаго права. Перев. съ нѣм. В. Ивановскаго. Казань 1895, стр. 21.

[2]) Тамъ же, стр. 10, примѣч.

[3]) *M. Seydel.* Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre. Würzburg, 1873, S. 13.

[4]) *В. В. Ивановскій.* Учебникъ государственнаго права. Казань, 1908, стр. 85.

[5]) *G. Jellinek.* Gesetz und Verordnung. Freiburg i. Br. 1887, S. 190. Ср. *Г. Еллинекъ.* Общее ученіе о государствѣ. Изд. 2-е. Спб. 1908, стр. 313.

и правительственныхъ актахъ. Но будучи довольно единодушны въ признанiи государственной власти проявленiемъ воли, современные нѣмецкiе государствовѣды очень расходятся въ опредѣленiяхъ этой воли. При рѣшенiи вопроса, какая это воля, и кому она принадлежитъ, рѣзко расходятся двѣ школы—реалистовъ и идеалистовъ. Самый видный представитель реалистическаго направленiя М. Зейдель утверждаетъ, что «государство ни въ какомъ случаѣ не есть господствующая воля; оно и не обладаетъ господствующей волей». «Абстракцiя „государство" не можетъ хотѣть, а только конкретное государство можетъ подлежать господству». «Господствующая воля находится надъ государствомъ и подчиненность ей придаетъ странѣ и людямъ государственный характеръ». Такимъ образомъ, «господствующая воля есть всегда воля надъ государствомъ, а не воля государства» [1]). Изъ этихъ опредѣленiй ясно, что Зейдель отождествляетъ волю государства съ волей правителя или государя. Одинаковыхъ съ нимъ воззрѣнiй на этотъ вопросъ придерживаются Лингъ и Борнгакъ; но они ставятъ господствующую волю не надъ государствомъ, а вдвигаютъ ее въ государство. А въ такомъ случаѣ имъ справедливо ставятъ въ упрекъ отождествленiе государства съ правительствомъ или государемъ. Напротивъ представители идеалистическаго направленiя приписываютъ волю, заключающуюся въ государственной власти, самому государству. Такъ Герберъ считаетъ, что «государственная власть есть волевая сила персонифицированнаго нравственнаго организма. Она не есть искусственное и механическое объединенiе многихъ единичныхъ воль, а нравственная совокупная сила сознательнаго народа», иначе говоря, «государственная власть есть общая воля народа, какъ этическаго цѣлаго, для цѣлей государства, въ средствахъ и формахъ государства» [2]). Эта теорiя государственной власти, какъ воли государства получила наиболѣе полное развитiе въ трудахъ Лабанда и осо-

---

[1]) *M. Seydel:* Op. cit. S. 7.
[2]) *C. F. v. Gerber.* Op. cit. S. 19 ff.

ѳенно Еллинека. Еллинекъ настаивалъ на волевомъ значеніи государственной власти во всѣхъ своихъ основныхъ сочиненіяхъ, начиная съ болѣе раннихъ изъ нихъ, какъ. напр., «Ученіе о государственныхъ соединеніяхъ» (Die Lehre von den Staatenverbindungen) и «Законъ и распоряженіе» (Gesetz und Verordnung). Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи онъ опредѣляетъ государство, какъ «объединенную полновластной волей господствующую организацію осѣдлаго народа» [1]). Эта же идея проведена въ качествѣ основного построенія черезъ все его «Общее ученіе о государствѣ». Здѣсь онъ утверждаетъ что «организація возможна лишь въ силу общепризнанныхъ положеній о юридическомъ образованіи единой воли, объединяющей множество въ единое цѣлое». По его мнѣнію «всякое состоящее изъ людей цѣлевое единство нуждается въ руководствѣ единою волею. Волю, имѣющую попеченіе объ общихъ цѣляхъ союза; повелѣвающую и руководящую исполненіемъ ея велѣній, представляетъ союзная власть» [2]).

Такимъ образомъ волевая теорія власти является наиболѣе распространенною въ нѣмецкой наукѣ государственнаго права и отстаивается самыми видными представителями ея. Но она далеко не признана безспорной. Въ высшей степени интересную, оригинальную и мѣткую критику этой теоріи далъ Н. М. Коркуновъ. Въ своемъ курсѣ «Русскаго государственнаго права» онъ приходитъ къ выводу, что «власть это только условное выраженіе для обозначенія причины явленія государственнаго властвованія. Что такое власть это можно вывести только путемъ выясненія общихъ свойствъ этихъ явленій, и наукой можетъ быть принята только гипотеза, объясняющая все разнообразіе явленій властвованія. Волевая теорія не удовлетворяетъ этому основному условію. Она не даетъ объясненія всѣхъ явленій государственнаго властвованія, съ нѣкоторыми изъ нихъ она находится въ прямомъ противо-

---

1) *G. Jellinek.* Op. cit. S. 190.
2) *Г. Еллинекъ.* Общее ученіе о государствѣ, стр. 311.

рѣчіи, и потому она должна быть отвергнута» [1]). Вѣдь «не всякая воля властвуетъ. Воля бываетъ безсильная, безвластная. Власть привходитъ къ волѣ извнѣ, придается ей чѣмъ-нибудь другимъ, въ самой волѣ не заключающимся. Воля стремится къ власти, получаетъ и теряетъ ее. Власть не воля, а объектъ воли». «Такимъ образомъ понятіе власти ни въ чемъ не совпадаетъ съ понятіемъ воли» [2]). Отвергнувъ волевую теорію власти, Коркуновъ затѣмъ доказываетъ, что властвованіе не предполагаетъ непремѣнно властвующую волю. «Властвованіе предполагаетъ сознаніе не со стороны властвующаго, а только со стороны подвластнаго. Все, отъ чего человѣкъ сознаетъ себя зависимымъ, властвуетъ надъ нимъ, все равно, имѣетъ ли это властвующее волю, или не имѣетъ ея, и даже независимо отъ того, существуетъ ли это властвующее, или нѣтъ Для властвованія требуется только сознаніе зависимости, а не реальность ея». Но въ такомъ случаѣ власть есть сила, обусловленная сознаніемъ зависимости подвластнаго. «При такомъ пониманіи власти нѣтъ надобности олицетворять государство, надѣлять его волей. Если власть— сила, обусловленная сознаніемъ зависимости подвластнаго, то государство может властвовать, не обладая ни волей, ни сознаніемъ, лишь бы люди, его составляющіе, сознавали себя зависимыми отъ него» [3]). Такимъ образомъ, Коркуновъ видитъ сущность властвованія не въ самой государственной власти, а въ подданныхъ и ихъ подчиненіи этой власти.

Не смотря на кажущуюся проницательность и правильность, какъ критики Коркунова, направленной противъ волевой теоріи, такъ и его собственныхъ взглядовъ на власть, они основаны на грубой методологической ошибкѣ и потому по существу не вѣрны [4]).

---

[1]) *Н. М. Коркуновъ.* Русское государственное право. Изд. 6-е. Спб. 1908, т. I, стр. 22.

[2]) Тамъ-же, стр. 23.

[3]) Тамъ-же, стр. 24.

[4]) Въ шестое изданіе «Русскаго государственнаго права» Н. М. Коркунова, которое вышло подъ редакціей З. Д. Авалова, М Б. Горенберга и К. Н. Соколова, введенъ новый параграфъ (4 bis) «Новѣйшія ученія о существѣ государства и государственной власти», стр. 48—52. Въ немъ данъ также обзоръ русской критической литературы о теоріи государственной власти Н. М. Коркунова.

Коркуновъ, не отдавая себѣ въ этомъ отчета, переноситъ споръ на совсѣмъ другую плоскость. Нѣмецкіе юристы изслѣдуютъ государственную власть и стремятся дать юридическое опредѣленіе ея. Коркуновъ же возбуждаетъ вопросъ о сущности властвованія вообще. Не подлежитъ сомнѣнію, что если поставить общій вопросъ о сущности власти, то придется признать, что причина властвованія заключается не столько въ повелѣвающей волѣ, сколько въ волѣ повинующейся или покоряющейся, т. е. въ томъ, что Коркуновъ, избѣгающій употребленія термина «воля», называетъ сознаніемъ или чувствомъ зависимости. Но при такой постановкѣ вопроса мы будемъ изслѣдовать соціально-психическое, а не государственно-правовое явленіе властвованія [1]). Критикуя теорію власти нѣмецкихъ юристовъ, Коркуновъ докопался до этого чрезвычайно важнаго соціально-психическаго явленія; но онъ сдѣлалъ непростительную методологическую ошибку, когда замѣнилъ юридическую конструкцію власти соціально-психологическимъ понятіемъ ея.

Коркуновъ не единственный теоретикъ государственнаго права, который при изслѣдованіи вопроса о государственной власти направляетъ свое вниманіе на тѣ элементы властвованія, которые не имѣютъ юридическаго характера. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ небольшой этюдъ — «Авторитетъ и государственная власть» профессора государственнаго права въ Вюрцбургскомъ университетѣ Пилоти. Онъ доказываетъ, что можетъ произойти «отдѣленіе авторитета отъ государственной власти», такъ какъ «у обладателей власти можетъ исчезнуть авторитетъ безъ всякаго измѣненія въ государственномъ строѣ и при полномъ сохраненіи формальной государственной власти. Это раздѣленіе можетъ произойти настолько постепенно и незамѣтно, что оно можетъ ускользнуть даже отъ самаго внимательного

---

1) Теорія государственной власти Л. І. Петражицкаго (ср. Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности. Спб. 1907, стр. 190 и сл.) цѣликомъ заимствована у Н. М. Коркунова и только изложена въ своеобразныхъ терминахъ психологической теоріи Л. І. Петражицкаго. Послѣднее обстоятельство однако не дѣлаетъ ее оригинальной.

наго наблюдателя и возникшее зло обнаружится только тогда, когда предполагаемый авторитетъ власти при какомъ-нибудь неожиданномъ испытанiи своей силы окажется не существующимъ» [1]). На цѣломъ рядѣ примѣровъ Пилоти показываетъ, что этотъ процессъ можетъ произойти одинаково, какъ въ развитiи абсолютно-монархическаго государства, такъ и конституцiонной монархiи и республики. Такъ, въ античномъ Римѣ при полномъ расцвѣтѣ республики сенатъ обладаетъ авторитетомъ, но не властью, которая принадлежала народу. Со времени Суллы сенатъ оказался обладателемъ государственной власти, но лишился авторитета; «онъ имѣлъ право приказывать, но его приказанiя не имѣли силы» [2]). Ему были противопоставлены авторитеты или заговорщиковъ и революцiонеровъ, какъ Катилина и Спартакъ, или новыхъ повелителей, какъ Крассъ, Помпей и Юлiй Цезарь. Наконецъ послѣ возникновенiя принципата римскiй сенатъ утратилъ и авторитетъ, и власть, которые оба перешли къ императорамъ. Но въ правленiе неспособныхъ императоровъ къ сенату снова возвращалась тѣнь былого авторитета. Также точно въ среднiе вѣка въ франкскомъ королевствѣ майордомы, состоявшiе при короляхъ изъ Меровинговъ, сначала создали себѣ авторитетъ, а затѣмъ прiобрѣли и власть, чѣмъ и положили основанiе новой династiи Каролинговъ. Особенно замѣчателенъ аналогичный процессъ, происшедшiй въ магометанскомъ мiрѣ, гдѣ калифы были постепенно отодвинуты эмирами. Первоначальные обладатели всей полноты власти какъ духовной, такъ и свѣтской, калифы превратились постепенно лишь въ духовныхъ главъ магометанскаго мiра, а вся свѣтская власть перешла къ эмирамъ, принявшимъ впослѣдствiи титулъ султановъ. Наконецъ сравнительно недавнiя событiя въ Японiи показываютъ, что власть можетъ подвергнуться также обратной эволюцiи и возвратиться къ ея первоначальнымъ носителямъ. Такъ, въ теченiе болѣе двухъ съ половиной

---

1) *R. Piloty.* Autorität und Staatsgewalt. Tübingen 1905, S. 6.
2) Ibid. S. 10.

столѣтій съ 1603 по 1868 г. японскіе императоры, носящіе титулъ микадо, находились въ плѣну у регентовъ-тайкуновъ, которые фактически управляли страной отъ ихъ имени. Но въ 1868 г. новому микадо, представителю царствующей династіи, удалось освободиться изъ плѣна и, свергнувъ тайкунатъ, возвратить себѣ первоначальную власть. Одновременно установленіемъ конституціи микадо устранилъ возможность повторенія такихъ захватовъ власти. Однако Пилоти показываетъ, что аналогичныя явленія передвиженія власти съ одного носителя на другого наблюдаются и въ современныхъ государствахъ — конституціонныхъ монархіяхъ и республикахъ. Для этого онъ останавливается на нѣкоторыхъ событіяхъ изъ исторіи Франціи въ XIX столѣтіи и на конституціонной исторіи С.-А. Соединенныхъ Штатовъ и даже Германской имперіи. Наиболѣе безспорно этотъ фактъ можетъ быть установленъ въ конституціонной исторіи Англіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о книгѣ Беджгота, который въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія вскрылъ, что въ верховенствѣ англійскаго парламента произошло измѣненіе, такъ какъ палата общинъ получила перевѣсъ надъ палатой лордовъ и короной, и о книгѣ С. Лоу, который уже въ началѣ XX столѣтія установилъ, что теперь въ Англіи рѣшающее значеніе имѣютъ кабинетъ министровъ и избиратели. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что Пилоти дѣлаетъ ошибку, когда чрезмѣрно сближаетъ перемѣщеніе власти въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ съ перемѣщеніями власти, происходившими въ абсолютно-монархическихъ государствахъ. Онъ не принимаетъ при этомъ во вниманіе, что въ современныхъ государствахъ, благодаря конституціи, законодательнымъ путемъ устанавливается нормальное распредѣленіе функцій между опредѣленной совокупностью органовъ государственной власти, а потому и вырабатывается нормальный типъ государственной власти и его носителя. Только внутри этой совокупности органовъ, остающейся постоянной, пока не измѣняется конституція, тотъ или другой

органъ получаетъ большій или меньшій перевѣсъ. Но создаваемая современнымъ правопорядкомъ нормальная организація власти имѣетъ, несомнѣнно, принципіальное значеніе. Надо признать, что въ точномъ смыслѣ слова государственная власть есть только нормальная государственная власть, обладающая въ принципѣ всѣми полномочіями, всей полнотою и всѣмъ авторитетомъ власти. А въ такомъ случаѣ нельзя противопоставлять государственной власти авторитетъ, такъ какъ авторитетъ есть лишь одинъ изъ элементовъ государственной власти, наряду съ которымъ могутъ быть поставлены и другіе элементы власти, какъ, напримѣръ, фактическое господство или формальное выполненіе функцій власти. Они также могутъ конкретно отдѣлиться отъ государственной власти, какъ это показываютъ историческія событія въ нѣкоторыхъ государствахъ, а слѣдовательно и ихъ можно логически противопоставить государственной власти. Однако какъ бы мы не расчленяли понятіе власти, важно то, что самъ Пилоти признаетъ, что проведенное и доказанное имъ различіе между властью и авторитетомъ не имѣетъ никакого юридическаго значенія. Въ началѣ своего этюда онъ говоритъ, что «авторитетъ, какъ правовое понятіе, въ дѣйствительности нельзя отличить отъ господства, какъ правового понятія», а въ концѣ приходитъ къ заключенію, что все его разсужденіе «сосредоточивается въ положеніи, что государственная власть и авторитетъ не тождественны. Для формальной юриспруденціи этимъ немного выиграно, но тѣмъ не менѣе надо признать, что въ жизни государствъ этотъ фактъ играетъ громадную роль». Въ концѣ концовъ однако Пилоти возвращается къ общепринятой въ нѣмецкой наукѣ волевой теоріи власти и утверждаетъ, что «господство есть только человѣческая воля, примѣненная въ государствѣ» [1]).

Пилоти не первый указалъ на то, что государственная власть не есть нѣчто постоянное, одинаковое и не подлежащее расщепленію. Аналогичныя идеи уже

---

[1]) Ibid. S. 4 u. 32.

можно встрѣтить у нѣмецкаго государствовѣда половины XIX столѣтія Цэпфля [1]), но особеннаго вниманія заслуживаютъ нѣкоторыя замѣчанія въ книгѣ англійскаго политическаго дѣятеля и писателя Корневаля Льюиса «О вліяніи авторитета въ созданіи мнѣній», вышедшей въ первомъ изданіи въ 1849, а во второмъ — въ 1875 году. Сюда же надо отнести и изслѣдованія объ общественномъ мнѣніи, а именно старый этюдъ Ф. Гольцендорфа «Общественное мнѣніе» [2]) и сравнительно недавно вышедшую книгу англійскаго ученаго Дайси «Объ отношеніи между правомъ и общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи въ XIX столѣтіи» [3]). Наконецъ чрезвычайный интересъ представляетъ спеціальное историческое изслѣдованіе Тессена-Вензерскаго «Понятіе авторитета въ основныхъ стадіяхъ его историческаго развитія» [4]). Насколько однако вопросъ о государственной власти неудовлетворительно разработанъ въ современной нѣмецкой литературѣ государственнаго права, не смотря на массу написаннаго по поводу него, можно судить хотя бы потому, что единственное болѣе крупное прибавленіе, которое Еллинекъ считалъ нужнымъ сдѣлать во второмъ изданіи своего «Общаго ученія о государствѣ», посвящено «изслѣдованію о юридической власти» (рус. изд. стр. 263—266). Въ этомъ прибавленіи Еллинекъ упоминаетъ о «соціальной власти» и говоритъ о «власти правовой», но онъ недостаточно точно ихъ опредѣляетъ и не даетъ вполнѣ отчетливаго разграниченія ихъ; главное же онъ не связываетъ этого расчлененія понятія власти съ устанавливаемымъ имъ далѣе расчлененіемъ того же понятія на власть «господствующую» и «не господствующую» (стр. 311 и сл.)

---

[1]) *H. Zoepfl.* Grundsätze des gemeinen Deutschen Staatsrechts, 5 Aufl. Leipzig, 1863. Bd. I, S. 83 ff.

[2]) *Ф. Гольцендорфъ.* Общественное мнѣніе. Перев. съ нѣм. Н. О. Бери. Изд. 3. Спб. 1899.

[3]) *A. V. Dicey.* Leçons sur les rapports entre le droit et l'opinion publique en Angleterre au cours du dix-neuvième siècle. Paris, 1906.

[4]) *Fr. v. Tessen-Wesierski.* Der Autoritätsbegriff in den Hauptphasen seiner historischen Entwicklung. Padeborn, 1907. См. особ. стр. 130 и сл.

Изслѣдованія Коркунова, Пилоти и отчасти Еллинека о сущности государственной власти должны привести къ заключенію, что даже въ курсахъ государственнаго права нельзя ограничиваться лишь формально-юридическимъ опредѣленіемъ государственной власти. Для государства имѣютъ значеніе всѣ стороны власти и всѣ составные элементы ея, и потому изслѣдованіе должно быть направлено на проблемы власти въ ея цѣломъ. Когда мы вдумаемся въ эту проблему, насъ прежде всего поражаетъ необыкновенная сложность, многообразіе и многосторонность тѣхъ явленій, которыя мы называемъ властью. Въ этихъ явленіяхъ переплетаются и постоянные, такъ сказать, стихійные элементы человѣческой психики, и тѣ наслоенія, которыя создаются соціальнымъ и историко-политическимъ развитіемъ и, наконецъ, то, что выражается въ дѣятельности конкретнаго государства. Если мы не будемъ стремиться строго различать и разграничивать всѣ эти элементы, мы никогда не поймемъ, въ чемъ заключается власть. Короче говоря, чтобы уяснить себѣ и рѣшить проблему власти, мы должны расчленить явленія, составляющія ее, на составныя части. Для этого мы должны строго отличать соціально-психологическіе элементы въ томъ процессѣ, который приводитъ къ подчиненію одного человѣка другому и къ признанію одного властвующимъ, а другого подчиненнымъ, отъ того, что сложилось благодаря историко-политическимъ условіямъ, т. е. благодаря долгому процессу историческаго развитія, приведшаго къ созданію современнаго государства, и, наконецъ, отъ того, что составляетъ формально юридическую сторону власти и что гарантируется современнымъ государственно-правовымъ порядкомъ.

Въ соціально-психологическомъ смыслѣ власть зарождается тамъ, гдѣ при отношеніи двухъ или нѣсколькихъ лицъ, одно лицо, благодаря своему духовному, а иногда тѣлесному превосходству, благодаря качествамъ своего характера и своей энергіи, занимаетъ руководящее и господствующее положеніе, а другое лицо, становясь въ зависимое положеніе, слѣдуетъ за нимъ. Та-

кова власть, напримѣръ, въ товарищеской или семейной средѣ; такова же власть вожаковъ кружковъ, руководителей союзовъ, профессіональныхъ организацій; такова же власть лидеровъ въ политическихъ партіяхъ. Но вмѣстѣ съ простымъ ростомъ количества людей, среди которыхъ проявляется власть такого типа, измѣняется и самъ характеръ—качество этого соціально-психическаго отношенія. Когда скопляются большія массы людей, происходитъ какъ бы сгущеніе и накопленіе соціально-психологической атмосферы. Какъ при сгущеніи облаковъ образуется атмосферное электричество и разражается гроза, такъ при накопленіи людей рождаются новыя соціально-психическія явленія руководства и подчиненія. Съ одной стороны, силы единичнаго человѣка—руководителя, вожака потенцируются, съ другой—склонность къ повиновенію еще больше усиливается у разъ подчинившихся людей, и массы слѣпо слѣдуютъ за своими вожаками. При накопленіи большихъ массъ людей возникаетъ чрезвычайно характерное явленіе, которое нашъ извѣстный соціологъ, Н. К. Михайловскій, назвалъ «героями и толпой». Французскій соціологъ, Тардъ, видѣлъ разгадку этого явленія въ законахъ подражанія. Это явленіе почти загадочно,—почему толпа выноситъ извѣстныхъ лицъ на пьедесталъ, почему она окружаетъ ихъ почти божескими почестями, почему она преклоняется передъ ними, слѣпо слѣдуетъ за ихъ желаніями и исполняетъ ихъ приказанія,—часто остается неразгаданнымъ. Не всегда герой для толпы есть герой въ дѣйствительности, не всегда это выдающійся человѣкъ, сильная индивидуальность, энергичная личность, не всегда это честный благородный человѣкъ. Вспомнимъ тѣ факты, которые еще недавно пережиты нами. Какъ внезапно и совершенно неожиданно выдвинулся въ январѣ 1905 г. въ Петербургѣ Гапонъ. Но развѣ кто-нибудь признаетъ теперь, что та личность, которая называлась Гапономъ, дѣйствительно соотвѣтствовала той роли, которую предоставила ей толпа и на которую ее выдвинулъ историческій моментъ? Это была личность скорѣе достойная презрѣнія, жалкая, ничтожная; но тѣмъ не менѣе эта

личность сыграла трагическую роль, изъ-за нея погибли сотни людей, но и она сама погибла, притомъ, не героической смертью, а жалко и ничтожно, всѣми презираемая. Весною 1907 г. на югѣ Франціи возникло движеніе винодѣловъ, колоссальное по своимъ размѣрамъ и по количеству людей, которое было имъ охвачено. Цѣлыя провинціи жили одной мыслью, имѣли одно стремленіе, формулировали одни и тѣ же требованія, и это движеніе выдвинуло своего героя—крестьянина Марселена Альбера. Альберъ такъ же, какъ и нашъ Гапонъ, на одинъ моментъ занялъ совершенно исключительное положеніе—онъ пользовался почти царской властью и распоряжался, какъ неограниченный монархъ. Всѣ его распоряженія исполнялись безпрекословно. Но стоило этому человѣку въ одномъ незначительномъ случаѣ показаться смѣшнымъ, и онъ немедленно былъ развѣнчанъ. Желая устранить нѣкоторыя недоразумѣнія, онъ поѣхалъ въ Парижъ, добился свиданія съ предсѣдателемъ совѣта министровъ Клемансо, и такъ какъ у него не хватило денегъ на обратный путь, взялъ у Клемансо взаймы 100 франковъ. Эта совершенно ничтожная подробность показалась смѣшной и сразу развѣнчала этого человѣка; въ глазахъ толпы онъ изъ героя превратился въ самую обыденную личность. Такъ же внезапно, какъ онъ былъ вознесенъ на пьедесталъ, всѣ вдругъ перестали передъ нимъ преклоняться.—Вотъ событія, которыя разыгрались на нашихъ глазахъ. Правда. эти событія имѣютъ нѣсколько односторонній характеръ—въ томъ и въ другомъ случаѣ толпа выдвигала не героевъ, а случайныхъ лицъ, которыя почему-либо на одинъ моментъ становились выразителями ея стремленій. Но исторія знаетъ и такіе примѣры, когда массы выдвигали дѣйствительныхъ героевъ и выдающихся личностей. Тогда эти герои становились спасителями отечества, основывателями новыхъ государствъ и преобразователями ихъ. Они не только пріобрѣтали власть на время, но и упрочивали ее за собой, они становились королями и императорами и основывали новыя династіи. Таковы были: Помпей, Цезарь и Августъ въ Римѣ, таковъ былъ Наполеонъ I

во Франціи, таковы же были Мининъ, Пожарскій и Богданъ Хмѣльницкій у насъ въ Россіи.

Тамъ, гдѣ между людьми возникаютъ длительныя отношенія господства и вліянія, съ одной стороны, и подчиненія и зависимости съ другой,—тамъ въ этихъ отношеніяхъ рождается нѣчто новое. Личныя отношенія вліянія и зависимости какъ бы превращаются въ нѣчто независимо существующее отъ данныхъ лицъ, они какъ бы объективируются. Получается отношеніе господства и подчиненія во имя какихъ-нибудь высшихъ началъ. Господство и подчиненіе освящаются или соціально-экономическимъ строемъ, или религіей, или правомъ. Они перестаютъ зависѣть отъ индивидуальныхъ свойствъ господствующихъ и подчиненныхъ. Традиція и привычка замѣняютъ личныя достоинства и преимущества лицъ, пріобрѣвшихъ господствующее положеніе. Создаются, наконецъ, такія условія, при которыхъ извѣстное лицо пріобрѣтаетъ господствующее вліяніе въ зависимости отъ того мѣста или соціальнаго положенія, которое оно занимаетъ въ жизни. Карлейль въ своемъ замѣчательномъ философскомъ романѣ «Sartor Resartus» останавливается на этихъ явленіяхъ. Герой его, Тейфельсдрекъ, разсматриваетъ всѣ общественныя отношенія съ точки зрѣнія костюма и при этомъ обнаруживаетъ всю нелѣпость извѣстныхъ общественныхъ положеній. Онъ рисуетъ картину, какъ человѣкъ въ черномъ и человѣкъ въ красномъ, то есть англійскій судья и англійскій палачъ тащатъ на висѣлицу человѣка въ синемъ, и этотъ человѣкъ безпрекословно подчиняется. Именно этотъ примѣръ судьи и палача особенно рельефно рисуетъ тѣ формы зависимости и подчиненія, которыя создаются уже извѣстными объективными условіями помимо непосредственнаго психическаго вліянія одного человѣка на другого. Сведя эти объективныя условія къ одной разницѣ въ костюмѣ, Карлейль, несомнѣнно, чрезмѣрно упростилъ ихъ, но этимъ путемъ онъ особенно выдвинулъ ихъ формальный и объективный характеръ. Сами по себѣ судья и палачъ, какъ личности, часто бываютъ людьми, не заслуживающими уваженія, но они распоряжаются жизнью человѣка, и

окружающіе эшафотъ солдаты являются слѣпыми исполнителями ихъ распоряженій, хотя можетъ быть въ душѣ презираютъ и проклинаютъ и казнь, и ея руководителей.

Въ отношеніяхъ господства и подчиненія, какъ соціально-психологическаго явленія, есть въ концѣ концовъ какая-то загадка, нѣчто таинственное и какъ бы мистическое. Какимъ образомъ воля одного человѣка подчиняетъ другую человѣческую волю — очень трудно объяснить. Эти явленія кроются въ самыхъ глубокихъ и сокровенныхъ свойствахъ человѣческаго духа. Вопросы эти далеко еще не полно изслѣдованы соціологіей. Сами эти научныя дисциплины еще не достигли той высоты развитія, при которой онѣ могли бы дать отвѣты на эти вопросы. Но многое въ этихъ явленіяхъ навсегда останется неразгаданнымъ и необъяснимымъ. Какъ сущность тяготѣнія до сихъ поръ остается непонятной, такъ и сущность вліянія одной воли на другую навсегда останется загадкой. Здѣсь наукѣ приходится наталкиваться на тѣ первичныя силы и элементы, которые не подлежатъ дальнѣйшему разложенію, сравненію и разъясненію. Область первичнаго, необъяснимаго и неразгаданнаго гораздо шире, чѣмъ обыкновенно предполагается. Мы упираемся въ нее не только въ одномъ опредѣленномъ пунктѣ, когда изслѣдуемъ конечные вопросы міроздания, а во всякомъ пунктѣ, какъ только желаемъ проникнуть за извѣстные предѣлы, доступные научному познанію.

Но соціально-психологическія явленія, и въ томъ числѣ формы психическаго подчиненія и господства, свойственны всѣмъ вообще людямъ. Они происходятъ внѣ зависимости отъ мѣста и времени и даже совершенно не нуждаются въ конкретныхъ опредѣленіяхъ относительно времени и мѣста. Вездѣ и всегда, гдѣ есть люди и отношенія между ними, эти явленія возникаютъ. Единственныя обстоятельства, отъ которыхъ они зависятъ, это количество людей и естественныя различія между ними. Но именно потому, что эти отношенія наиболѣе общи и постоянны для всякаго человѣческаго общенія, они не характерны для государства и

для существа государственной власти. Какъ элементъ, присущій не государству, какъ таковому, а вообще всякой соціальной средѣ, эти отношенія подвергаются изслѣдованію не со стороны государствовѣдовъ, а со стороны соціологовъ. Сюда относятся глубокомысленныя изслѣдованія Тарда «О законахъ подражанія», сюда же надо отнести и изслѣдованія о массовыхъ явленіяхъ и о законахъ толпы Михайловскаго, Тарда, Сигеле, Лебона и Бугле. Но особенно важное значеніе имѣетъ работа нѣмецкаго соціолога Зиммеля «О господствѣ и подчиненіи», которая составила теперь главу его книги—«Соціологія» [1]). У насъ писатель С. Л. Франкъ остановился на этихъ вопросахъ въ своей статьѣ «Проблема власти» [2]). Въ ней онъ является послѣдователемъ Зиммеля, но отчасти и самостоятельно разрабатываетъ этотъ сложный вопросъ.

Изслѣдователи государственной власти должны имѣть въ виду не вообще господство и зависимость, а частный случай его—государственное господство. Но государственное господство существуетъ только въ конкретныхъ государствахъ, а всѣ конкретныя государства прошли извѣстное историческое развитіе и обладаютъ опредѣленной соціальной структурой. Естественно искать въ этомъ развитіи и въ созданной имъ соціальной организаціи объясненія существа государственной власти. Итакъ, будемъ судить о государственной власти по тому, какъ она проявлялась въ историческомъ развитіи государствъ; тогда мы, конечно, поспѣшимъ отожествить ее съ тѣмъ признакомъ, который больше всего бросается въ глаза, именно съ силой и тѣмъ страхомъ, который она внушаетъ. Существуетъ мнѣніе, по которому въ основаніи властвованія лежитъ фактическое обладаніе силой, напримѣръ, вооруженными силами страны или источниками богатства и экономическаго могущества. Изъ исторіи можно привести массу фак-

---

[1]) *G. Simmel.* Soziologie. Unterzuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig, 1908.

[2]) *С. Франкъ.* Проблема власти. «Вопросы Жизни». 1905, мартъ, стр. 205. Эта статья напечатана также въ сборникѣ статей *С. Л. Франка.* Философія и жизнь. Спб. 1910, стр. 72—125.

товъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что между властью и силой нѣтъ разницы. Доказательствомъ того, что власть тѣснѣйшимъ образомъ связана съ силой служатъ и тѣ термины, которыми власть обозначается въ современныхъ европейскихъ языкахъ. Всѣ они имѣютъ двойное значеніе. Какъ французское слово «pouvoir», такъ и англійское «power» и нѣмецкіе термины «Macht» и «Gewalt» означаютъ одновременно и силу, и власть. Къ отожествленію власти съ силой или съ фактическимъ господствомъ склоняются, какъ мы видѣли, и нѣкоторые юристы, напримѣръ, Аффольтеръ, Зейдель и В. В. Ивановскій.

Дѣйствительно приходится констатировать, что происхожденіе власти изъ простого превосходства силы и насилія въ большинствѣ случаевъ не подлежитъ сомнѣнію. Чаще всего власть возникала благодаря войнамъ и завоеваніямъ, благодаря побѣдамъ одного народа надъ другимъ и покоренію побѣжденныхъ. Извѣстный соціологъ и изслѣдователь австрійскаго государственнаго права Л. Гумпловичъ утверждаетъ даже, что «никогда и нигдѣ государства не возникали иначе, какъ въ силу покоренія чуждыхъ племенъ со стороны одного или нѣсколько соединившихся и объединившихся племенъ»[1]). Но это мнѣніе надо признать утрировкой, такъ какъ античные государства-города развились изъ первобытныхъ общинъ, а швейцарскія республики только отражали завоевателей, сами же завоеваніями не занимались. Однако крупныя политическія организаціи, несомнѣнно, возникли изъ насилія завоевателей. Не говоря уже о восточныхъ завоевателяхъ, достаточно вспомнить о завоеваніяхъ Александра Македонскаго, которыя привели къ основанію цѣлаго рада государствъ, о покореніи Римомъ всѣхъ окружавшихъ его народовъ и о созданіи имъ всемірной имперіи и, наконецъ, о великомъ переселеніи народовъ, которое заключалось въ вытѣсненіи и покореніи однихъ народовъ другими, что привело къ возникновенію цѣлаго ряда государствъ. Но какъ бы ни казалось такое рѣшеніе вопроса о сущности госу-

[1]) *Л. Гумпловичъ.* Общее ученіе о государствѣ. Спб. 1910, § 14, стр. 47.

дарственной власти правильнымъ и простымъ, оно вызываетъ цѣлый рядъ сомнѣній и возраженій. Уже въ объясненіи первоначальнаго, такъ сказать, исходнаго насилія, изъ котораго возникла власть, теоретики далеко не сходятся. Такъ, напр., Энгельсъ въ своей критикѣ теоріи Дюринга, въ частности его «теоріи насилія» и въ своемъ сочиненіи «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства» настаиваетъ на томъ, что первоначальное насиліе обусловливалось не физическимъ, а экономическимъ превосходствомъ. Однако этотъ споръ о томъ, что создаетъ первоначальный перевѣсъ фактической силы, рѣшается совершенно различно, смотря по тому, какіе историческіе факты мы беремъ. Такъ, мы должны будемъ рѣшить его противъ Энгельса, если мы возьмемъ эпоху, непосредственно предшествующую возникновенію современныхъ европейскихъ государствъ, т. е. эпоху великаго переселенія народовъ, когда произошли тѣ завоеванія, которыя положили основаніе средне и южно-европейскимъ феодальнымъ государствамъ. Экономическое превосходство было, несомнѣнно, не на сторонѣ германскихъ племенъ, вторгнувшихся въ Европу, завоевавшихъ большія пространства и образовавшихъ новыя государства; оно принадлежало туземному населенію, міровой Римской имперіи. Германцы имѣли перевѣсъ надъ этимъ населеніемъ не своимъ экономическимъ превосходствомъ, а свѣжестью расы, своей сплоченностью и вообще грубой физической силой не тронутыхъ цивилизаціей людей. Поэтому для объясненія того переворота, который произошелъ при паденіи Римской имперіи, нужно искать разгадку не въ теоріи Энгельса, а въ теоріяхъ, видящихъ объясненіе политическихъ явленій въ борьбѣ расъ. Эти теоріи отстаивались и развивались такими учеными историками и соціологами, какъ Тьерри, Гобино и Гумпловичъ. Однако и послѣ завоеванія борьба не прекращается, а продолжается въ другомъ видѣ. Расы завоевателей и завоеванныхъ въ этихъ новооснованныхъ государствахъ постепенно смѣшиваются, амальгамируются и превращаются въ единыя національности. Но извѣстныя уже не расовыя, а соціальныя дѣленія

сохраняются. Такимъ образомъ первоначальная борьба расъ превращается въ борьбу соціальныхъ группъ и классовъ. Здѣсь экономическое превосходство является уже опредѣляющимъ фактомъ побѣды, которая служитъ основаніемъ для новаго господства и новаго властвованія. Такъ не подлежитъ сомнѣнію, что буржуазія получила перевѣсъ надъ феодальнымъ дворянствомъ, главнымъ образомъ благодаря своему экономическому превосходству, благодаря тому, что вся хозяйственная жизнь сконцентрировалась въ ея рукахъ. Но вмѣстѣ съ переходомъ рѣшающаго значенія отъ физической силы къ экономическому фактору и властвованіе теряетъ свой первоначальный чисто насильственный характеръ. Конечно, возможность такого превращенія подготовляется уже въ предшествующій періодъ. Дѣло въ томъ, что и завоеватели воздѣйствуютъ на покоренныхъ непосредственной физической и вооруженной силой только въ первое время; затѣмъ они уже внушаютъ своимъ подвластнымъ страхъ, почтеніе, повиновеніе и покорность однимъ предположеніемъ своего превосходства, своею доблестью и своимъ мужествомъ. Такимъ образомъ уже тутъ физическое принужденіе завоевателей превращается въ психическое господство обладателей власти. Но это обстоятельство прокладываетъ путь къ созданію господствующаго положенія въ такомъ обществѣ для всякаго личнаго превосходства, каково бы оно ни было. Представители буржуазіи завоевываютъ себѣ постепенно сперва почетное, а затѣмъ и господствующее положеніе, уже исключительно благодаря своему духовному превосходству, такъ какъ только оно даетъ имъ возможность становиться во главѣ экономическаго развитія, создавать новыя отрасли производства и накоплять богатства. Именно на процессѣ замѣны феодальнаго строя буржуазнымъ мы видимъ, какъ рѣшающимъ элементомъ становится уже не преобладаніе вооруженной силы, которая по-прежнему остается въ рукахъ феодаловъ и дворянства, а мирная сила духовнаго и экономическаго превосходства, которая оказывается на сторонѣ буржуазіи. Тутъ такимъ образомъ происходитъ полное преобразованіе первоначальнаго характера власти.

Тѣмъ не менѣе многіе соціологи-эволюціонисты игнорируютъ это превращеніе власти изъ физически насильственной въ психически воздѣйствующую. Они видятъ въ современной соціальной борьбѣ продолженіе первоначальной борьбы, чисто физической, и настаиваютъ на томъ, что власть пріобрѣтаетъ и имѣетъ тотъ, кто обладаетъ большей физической силой. Споръ съ крайними эволюціонистами обыкновенно оказывается безплоднымъ такъ какъ очень трудно установить самый предметъ спора въ виду того, что слово «сила» имѣетъ очень много постоянно мѣняющихся значеній. Такъ, напримѣръ, если мы выскажемъ слѣдующія два положенія—1) идея, овладѣвая народными массами, становится силой и 2) народныя массы, объединенныя и воодушевленныя идеей, становятся силой,—то мы обозначимъ одно и то же реальное происшествіе, а между тѣмъ въ первомъ случаѣ мы признаемъ силой идею, а во второмъ—народныя массы. Но такъ какъ народныя массы существовали и до своего объединенія идеей, и тогда онѣ не были силой, а въ силу ихъ превратилъ новый приходящій факторъ—идея, то и приходится признать ее главнымъ элементомъ, создающимъ силу. Однако часто утверждаютъ, что физическая и вообще матеріальная сила все-таки является рѣшающимъ элементомъ для пріобрѣтенія власти въ моменты государственныхъ кризисовъ и революцій. Чтобы убѣдиться въ неправильности этого взгляда, посмотримъ хотя бы на первую крупную революцію, приведшую къ созданію современнаго правового государства, именно на первую англійскую революцію въ половинѣ XVII столѣтія. Мы увидимъ, что она возникла по религіознымъ мотивамъ, вождями ее были люди, воодушевленные идеями религіознаго реформаторства, и массы боролись за свои права, находя ихъ оправданіе въ своемъ религіозномъ сознаніи. Правда, эта революція привела къ междуусобной войнѣ, продолжавшейся пять лѣтъ и была связана съ жестокимъ кровопролитіемъ. Но эту войну начали представители старой власти—англійскій король Карлъ I Стюартъ и его бароны, видѣвшіе во власти господство во-

оруженной силы. Побѣдили однако не они, а борцы за новыя идеи—Долгій Парламентъ, англійскіе пуритане и шотландскіе пресвитеріане. Когда затѣмъ побѣжденный и плѣнный Карлъ Стюартъ предсталъ передъ революціоннымъ трибуналомъ, учрежденнымъ Долгимъ Парламентомъ для суда надъ нимъ, онъ прежде всего возбудилъ вопросъ о характерѣ власти, привлекшей его къ отвѣтственности «Гдѣ та власть,—сказалъ онъ,—на основаніи которой вы требуете отъ меня отвѣта? Я говорю о законной власти, такъ какъ незаконной властью обладаютъ также воры и грабители на большихъ дорогахъ». Въ этихъ словахъ Карла Стюарта прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что онъ называетъ властью даже простое насиліе, совершаемое грабителями на большихъ дорогахъ. Конечно, здѣсь отразилось чисто традиціонное воззрѣніе, по которому власть и насиліе, родственны между собой. Очень важно отмѣтить, что защитникомъ этого воззрѣнія оказался бывшій король, сторонникъ старыхъ формъ власти. Впрочемъ и Карлъ Стюартъ въ приведенныхъ словахъ проводилъ различіе между законною и незаконною властью. Подъ законною властью онъ подразумѣвалъ несомнѣнно, ту власть, которая была освящена традиціей. При этомъ онъ дѣлалъ ошибку, предполагая, что традиціонная власть сохранила еще свое обаяніе надъ англійскимъ народомъ. Когда онъ стоялъ передъ судившимъ его трибуналомъ Долгаго Парламента, традиціонная власть была уже упразднена въ Англіи, и вся власть была сосредоточена въ рукахъ революціоннаго правительства; за свою ошибку Карлъ Стюартъ заплатилъ своею жизнью [1]).

Все это заставляетъ насъ признать, что отождествленіе власти съ матеріальной силой, кажущееся столь основательнымъ съ перваго взгляда, по существу своему не вѣрно. Въ послѣднія столѣтія матеріальная сила

---

[1]) См. по этому вопросу *K. S. Zacharia*. «Vierzig Bücher vom Staate». Heidelberg, 1839. Bd. III. S. 76—96. Ueber Re ormen und Revolutionen. *Б. Н. Чичеринъ*. Курсъ государственной науки, т III, кн. 4, гл. 2 «Реформы и революція», стр. 302—341 и *Н. Назимовъ*. Реакція въ Пруссіи. Ярославль, 1886.

побѣждала и становилась властью только тогда, когда за ней была и идейная сила. Итакъ, ко всѣмъ предыдущимъ признакамъ власти—престижу, обаянію, авторитету, традиціи, привычкѣ, силѣ, внушающей страхъ и покорность, мы должны присоединить еще одинъ признакъ—всякая власть должна быть носительницей какой-нибудь идеи, она должна имѣть нравственное оправданіе. Это оправданіе можетъ заключаться или въ величіи и славѣ народа и государства, какъ это бываетъ въ абсолютно-монархическихъ государствахъ, или въ упроченіи правового и общественнаго порядка, что мы видимъ въ правовыхъ и конституціонныхъ государствахъ, или же оно можетъ заключаться въ регулированіи экономической жизни и въ удовлетвореніи наиболѣе важныхъ матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ своихъ гражданъ, что составляетъ задачу госуларства будущаго. Какъ только власть теряетъ одухотворяющую ее идею, она неминуемо гибнетъ.

Одухотворяющая идея, или нравственное оправданіе власти является, несомнѣнно, основнымъ и наиболѣе важнымъ признакомъ власти. Но, конечно, ею также далеко не исчерпываются существо власти. Напротивъ, теперь мы уже вполнѣ выяснили, какъ сложно то явленіе, которое мы называемъ властью. Въ логической послѣдовательности власть развивается, во-первыхъ подъ вліяніемъ соціально-психическихъ причинъ, ведущихъ къ созданію престижа и авторитета, съ одной стороны, и чувства зависимости и подчиненія съ другой,—во-вторыхъ, она обязана своимъ существованіемъ цѣлому ряду историческихъ и политическихъ условій, начиная отъ борьбы расъ и фактовъ покоренія одной расы или націи другой и заканчивая соціальной борьбой, борьбой классовъ, вызванной экономическими отношеніями и ведущей къ побѣдѣ болѣе прогрессивныхъ общественныхъ силъ надъ отсталыми и отжившими и, наконецъ, въ третьихъ, извѣстныя отношенія господства и подчиненія утверждаются и укрѣпляются благодаря идейному оправданію ихъ. Въ правовомъ государствѣ они закрѣпляются въ правовыхъ нормахъ. Сперва существующія фактическія отношенія пріобрѣ-

таютъ характеръ отношеній, освященныхъ нормами права. Появляется убѣжденіе, что то, что есть, должно быть. Но постепенно правовая идея, идея должнаго беретъ верхъ надъ существующимъ лишь фактически. Поэтому и фактическія отношенія приноровляются къ должному въ правовомъ отношеніи. Все, что не находитъ себѣ оправданія, измѣняется и согласовывается съ тѣмъ, что должно быть. Такимъ образомъ надъ властью все болѣе пріобрѣтаетъ господство правовая идея, идея должнаго. Чтобы существовать и быть признаваемой, власть должна себя оправдывать. Для современнаго культурнаго человѣка еще недостаточно того, что власть существуетъ; мало и того, что она необходима, полезна и цѣлесообразна. Только если власть способствуетъ тому, что должно быть, только если она ведетъ къ господству идеи права, только тогда мы можемъ оправдать ея существованіе, только тогда мы можемъ признать ее правомѣрной. Надо строго различать вопросъ о происхожденіи власти отъ вопроса объ оправданіи власти. Для современнаго культурнаго человѣка то или иное происхожденіе власти не можетъ служить аргументомъ въ пользу ея. Напротивъ единственнымъ обоснованіемъ для власти можетъ быть ея оправданіе. Это и ведетъ къ господству идеи, именно идеи права надъ властью. Власть въ современномъ государствѣ становится правовою властью.

Однако возвратимся къ формально-юридическому опредѣленію власти, т. е. къ тому опредѣленію, съ котораго мы начали и которое, какъ мы видѣли, почти безраздѣльно господствуетъ въ нѣмецкой научной литературѣ государственнаго права. Намъ необходимо впередъ оговориться, что если ни одно изъ вышеназванныхъ опредѣленій власти не было исчерпывающимъ, то еще менѣе таковымъ можетъ быть формально-юридическое опредѣленіе. Право регулируетъ внѣшнія отношенія между людьми и разсматриваетъ ихъ чисто формально. Поэтому формально-юридическое опредѣленіе власти по необходимости должно быть не только формальнымъ, но и внѣшнимъ. Оно не можетъ касаться сущности власти, т. е. того фактическаго от-

ношенія господства и подчиненія, которое обусловлено соціально-психическими и историко-политическими причинами, съ одной стороны, и той идейной стороны власти, о которой мы говорили выше,—съ другой. Но за то оно объясняетъ чисто юридическую сторону властвованія и въ этомъ его цѣнность. Разсматриваемая съ внѣшней стороны власть, какъ мы уже сказали, есть способность повелѣвать и вынуждать исполненіе своихъ повелѣній. Властвовать въ государственномъ смыслѣ значитъ повелѣвать безусловно и быть въ состояніи принуждать къ исполненію. Слѣдовательно, дѣятельность государственной власти мы можемъ съ формально-юридической точки зрѣнія разложить на рядъ велѣній и исполненій этихъ велѣній. Но велѣнія могутъ исходить только отъ воли и могутъ быть обращены только къ сознательной волѣ, такъ какъ только ею они могутъ исполняться. Итакъ, съ формально-юридической стороны власть заключается въ отношеніи между волей, выражающейся въ велѣніяхъ государственной власти, и волями исполнителей этой власти, т. е. подданныхъ и должностныхъ лицъ, состоящихъ на службѣ у государства (чиновниковъ). Тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ никакого основанія приписывать государству личную волю, подобную волѣ отдѣльнаго человѣка, и въ этомъ отношеніи критика представителей реалистическаго направленія въ наукѣ государственнаго права, настаивающихъ на томъ, что коллективное существо—государство не можетъ имѣть воли, совершенно правильна. Но съ другой стороны надо признать, что государство имѣетъ безличную волю, такъ какъ дѣятельность его выражается въ установленіи общихъ правовыхъ нормъ, содержащихъ въ себѣ повелѣнія, и въ примѣненіи этихъ нормъ къ конкретнымъ случаямъ—въ правительственныхъ распоряженіяхъ, административныхъ актахъ и судебныхъ рѣшеніяхъ. Иной воли кромѣ воли, выражающейся въ правовыхъ нормахъ и въ ихъ примѣненіи, у государства нѣтъ. Безличность воли государства ведетъ къ тому, что и самая власть его безлична, а въ этомъ, какъ мы отмѣтили выше, характерный признакъ власти въ правовомъ или конституціонномъ государствѣ.

